

*Машкина Е. Н.
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова*

ОБРАЗ ЯПОНИИ В СОЗНАНИИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА XIX ВЕКА

Первые плодотворные дипломатические контакты России с закрытой Японией датируются только 1884 годом, когда к японским берегам прибыла экспедиция под руководством Е. В. Путятина. Результатом переговоров русской и японской сторон стал “Договор о дружбе”, заключенный в 1854 году 21 декабря. Исследование проводится на материале очерков путешествия И. А. Гончарова “Фрегат Паллада”, на материале глав, в которых автор описывает пребывание русских у берегов Японии. И. А. Гончаров, на тот момент служащий департамента внешней торговли, вошел в состав экспедиции в качестве секретаря адмирала Е. В. Путятина.

До 1884 года контакты России и Японии были малочисленными и, как правило, случайными. Книг о Японии было мало, а информация, содержащаяся в них, не всегда заслуживала доверия. Эти факторы оказали воздействие на формирование образа Японии в сознании русского человека. Наше исследование проводится в рамках проблемы восприятия действительности через призму родного языка.

В нашей работе мы опираемся прежде всего на идеи В. фон Гумбольдта об отражении духа народа в его языке. Эти идеи разрабатывались позднее его последователями – представителями неогумбольдтианского направления в лингвистике, в частности Л. Вайсгербером, Й. Триром. Проблема исследовалась и американскими лингвистами Б. Уорфом и Э. Сепиром. В отечественном языкознании этой проблеме уделял внимание А. А. Потебня.

Цель статьи – исследовать образ Японии в сознании русского человека XIX века.

Задачи: выяснить, как представления о Японии отражались в русском языке.

Образ Японии у И. А. Гончарова – это прежде всего образ далекой, неизвестной страны. Автор пишет о ее закрытости для иностранцев, называя Японию “тридесатым царством”, “странной, занимательной своей неизвестностью землей”: “9-го августа, при той же ясной, но, к сожалению, чересчур жаркой погоде, завидели мы тридесатое государство. Это были еще самые южные острова, крайние пределы, только островки и скалы Японского архипелага, носившие европейские и свои имена” [2, 6]; “Хоть бы японцы допустили изучить свою страну, узнать ее естественные богатства: ведь в географии и статистике мест с оседлым населением земного шара почти только один пробел и остается – Япония. Странная, занимательная пока своею неизвестностью земля растянулась от 32 до 40 с лишком градусов <северной> широты, следовательно с одной стороны южнее Мадеры” [2, 6]. Япония называется И. А. Гончаровым “пробелом в географии”, характеризуется как “странная, занимательная пока своею неизвестностью земля”.

Особый интерес представляет собой прецедентный текст “тридесатое царство”, цель обращения к которому, по-видимому, в том, чтобы показать максимально выразительно отдаленность Японии от России. В мифологии тридесатое царство – это царство мертвых, иное царство. Подчеркивание иномирности, чуждости, непохожести Японии, свидетельствует об интересе к этой стране и в тоже время об определенном настороженном отношении, имеющем истоки в изначальном недоверии

ко всему инакому, чужому, непонятному. Немаловажен и тот факт, что "...иной мир (мир мертвых, мир духов) у самых разных народов мыслился как мир "наоборот". Представления о перевернутости иного мира, видимо, были универсальными" [1, 30–31]. Осознание Японии как своего рода иного мира, тридцатого царства можно проследить в восприятии "перевернутости" многих японских обычаев, их действительной или мнимой противоположности русским обычаям: "Еще Гвальтьери, говоря о японцах, замечает, что наша вежливость у них – невежливость, и наоборот. ... Да, это всё так; тут параллель можно продолжать, пожалуй, еще" [2, 167].

Восприятие Японии как инакой, необычной страны прослеживается и в том, как И. А. Гончаров ее называет: "Уж этот мне крайний Восток: пока, кроме крайней скуки, толку нет!". В. И. Даль определяет "крайний" как "на краю находящийся, последний, конечный, гранный, предельный; "высший и низший, достигший последней степени: чрезмерный" [3, 184]. Подчеркивая пограничность Японии, автор акцентирует внимание на ее необычности, ассоциативно соотнося ее с иным царством.

Важный элемент образа Японии – отсутствие движения, отмечаемое автором. "Но с странным чувством смотрю я на эти игриво-созданные, смеющиеся берега: неприятно видеть этот сон, отсутствие движения. Люди появляются редко; животных не видать; я только раз слышал собачий лай. Нет людской суеты; мало признаков жизни" [2, 14]. Состояние тишины и покоя И. А. Гончаров называет "сном". Сон в славянской мифологии метонимически связан со смертью. Свое отношение к этой неподвижности автор выражает словосочетанием "неприятно видеть". Отметим, что "всякое физическое действие связано с движением, которое в традиционной народной картине мира наделяется лишь самым абстрактным значением и служит приметой жизни, "этого", земного мира в противоположность неподвижности как характерному признаку смерти, "того", загробного мира. В заговорах потусторонний мир, куда отсылаются злые силы, лишен движения, неподвижен, статичен и нем; в обрядовой практике движению придается символическое значение побуждения к жизни природы и человека, активизации их производительной силы" [7, 96].

Нельзя не отметить также, что в восприятии Японии четко прослеживается тенденция уменьшительности, снисходительности по отношению к стране. Япония определяется как "многочисленная кучка человеческого семейства", "муравейник" [2, 6], где в первом случае уменьшительность достигается использованием уменьшительного суффикса, а во втором за – счет использования лексики, принадлежащей к тематическому полю "животный мир".

Смысловое ядро метафорического изображения японского социума, отражающее восприятие японского народа метафора – 'японцы-дети', противопоставленная метафоре "иностранцы-взрослые". Причем "детство" понимается как отсталость, недоразвитость. Такое восприятие проявляется, прежде всего, в подборе лексических единиц, то есть, употребление лексики, относящейся к полю "детство", в описании японского общества: "младенчество", "колыбель", "детство". Перенесение характерных действий: "удариться в слезы", "отдаться под руководство старших". Однако метафора 'японцы-дети' в данном контексте обладает отрицательными коннотациями, что выражается в употреблении слов, принадлежащих к данному полю, в качестве однородного члена со словами экспрессивно окрашенными, выражающими отрицательную оценку. Детство японского народа характеризуется экспрессивно окрашенным прилагательным с негативной оценкой "жалкое". Уместно вспомнить, что в мифологических представлениях дети ассоциируются как посланцы иного мира.

[9] Приближенность детей к иному миру проявлялась в отношении к ним. Дети были “участниками и исполнителями многих обрядов продуцирующего характера” [9].

И. А. Гончаров называет японцев “младенческим, отсталым, но лукавым народом”. Семантически нейтральное прилагательное “младенческий”, поставленное в ряд с экспрессивно окрашенными прилагательными, создает отрицательный образ народа.

Япония, по мнению автора, находится на начальном этапе развития, которое проходят все страны: “В эпоху нашего младенчества из азиатской колыбели попало в наше воспитание несколько замашек и обычаев, и теперь еще не совсем изгладившихся, особенно в простом быту” [2, 183]. Словосочетание “наше младенчество” понимается как “ранняя стадия развития”, “недоразвитость”. В связи с метафорой “азиатская колыбель” уместно вспомнить коннотативное значение собственного имени Азия, устаревшее на сегодняшний день, но, очевидно, актуальное на момент написания “Фрегата Паллада”: “застой жизни, отсутствие духовных запросов; консервативные привычки, отсталость взглядов; апатия. бескультурие, дикость” [6, 33].

Мы видим осмысление Японии как неразвитой страны: “одряхла в бессилии и мраке жалкого детства” [2, 48] Состояние Японии характеризуется как “детство”, усиливается экспрессивно окрашенным прилагательным с негативной оценкой “жалкое”, экспрессивно окрашенными словами “бессилие”, “мрак”, “одряхлет”, обладающих отрицательными коннотациями. Детство, понимаемое И. А. Гончаровым как недееспособность, соотносится со старостью – “одряхла” – относится к полю старость. Вспомним, что в мифопоэтическом мышлении и старость, и детство воспринимались как недееспособность, невзрослость.

Японцы в видении И. А. Гончарова противопоставляются русским: русские “старшие”, японцы – “дети”: “Но мы выросли, и поговорка осталась у нас в сказках” [2, 153] В данном случае контекст – японцы не выросли – не эксплицируется, но подразумевается. Надо сказать, что поскольку детство Японии понимается И. А. Гончаровым как недееспособность, бездействие, оно имеет отрицательные коннотации. Один из приемов передачи такого восприятия – перенесение лексики, принадлежащей к тематическому полю “школа”, которое, в свою очередь, входит в более широкую тематическую группу “детство”, на изображения событий, принадлежащих к полю “социум”: “ловко убегает от ферулы цивилизации” [2, 6] (Ферула – “род металлической или деревянной линейки, которой в старинных школах били провинившихся учеников по ладоням” [8, 904]), “школьная затея” [2, 47], “учитель” [2, 47].

Японцы сравниваются с детьми. Им, как детям, свойственны и соответствующие качества, например, любопытство: “с детским любопытством взглядывается в безделки”. Стереотипный образ, выписанный И. А. Гончаровым, начинает определять общее видение японцев: “Всё занимало их, и в этом любопытстве было много наивного, детского, хотя японцы и удерживались слишком обнаруживаться” [2, 22] Как видим, образ ‘японцы – дети’ переносится на действия людей, которые приобретают эпитет “детское”.

Отношения Японии с другими странами, по мнению И. А. Гончарова, должны строиться подобно отношениям старший – взрослый. Здесь необходимо отметить, что отношения дети – взрослые во времена И. А. Гончарова отличались от современной модели. Соответствующие коннотации приобретает описание отношений Японии с

другими странами: “им ничего больше не остается, как удариться в слезы и сказать: “Виноваты, мы дети!” – и, как детям, отдаться под руководство старших” [2, 47] Немаловажно, что в модели “японцы-дети и европейцы-взрослые”, прослеживаемой у И. А. Гончарова, видим безусловное преобладание правоты “старших”. Японцы предстают как неразумные дети, которых необходимо учить, не принимая во внимание их мнение: “Не дети ли, когда думали, что им довольно только не хотеть, так их и не тронут” [2, 50].

Автор негативно отзываясь о системе замкнутости страны. Мы видим в данном случае длинный ряд однотипных метафор: “запертый ларец, с потерянным ключом” [2, 6], “тюрьма” [2, 66], “каменная стена” [2, 25], “...так глухо заперто здание и ключ потерян?” [2, 170], “недоверчивы: спасаются от опасностей за системой замкнутости, как за каменной стеной” [2, 25]. “Они видят, что их система замкнутости и отчуждения, в которой одной они искали спасения, их ничему не научила, а только остановила их рост” [2, 47] “Кликни только клич – и японцы толпой вырвутся из ворот своей тюрьмы.” [2, 49]

На основании исследованного материала можем сделать такие выводы:

Япония XIX века представлялась русскому человеку неизученной страной, что отражено в метафорах, используемых для ее наименования. Автором отмечается замкнутость страны, отсутствие полноценного дипломатического общения с другими странами, что вызывает отрицательную оценку И. А. Гончарова. Можем наблюдать отчуждение в восприятии Японии автором, выражаемое на лексическом уровне. Япония осмысливается И. А. Гончаровым и относительно ее развития. Здесь мы можем наблюдать уменьшительность в восприятии как Японии, так и ее населения. Автор считает Японию страной неразвитой. Отметим также, что Япония рассматривается И. А. Гончаровым в противопоставлении России и европейским странам, отмечается их превосходство над ней.

Л и т е р а т у р а :

1. Байбурин А. К. У истоков этикета Этнографические очерки / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. – Л.: Наука, 1990. – 166 с.
2. Гончаров И. А. Собрание починений: в 6-ти т. / И. А. Гончаров. – М.: Правда, 1972. – Т. 2. – 467 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / Владимир Иванович Даль. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русс. яз. – Медиа, 2007. – Т.2. – 683 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / Владимир Иванович Даль. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русс. яз. – Медиа, 2007. – Т.3. – 555 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / Владимир Иванович Даль. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русс. яз. – Медиа, 2007. – Т.4. 773 с.
6. Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества / Е. А. Краснощекова. – СПб.: Пушкинский фонд, 1997. – 496 с.
7. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен / Евгений Степанович Отин. – Донецк: ООО “Юго-Восток, Лтд”, 2004. – 410 с.
8. Толстая С. М. Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале / С. М. Толстая // Концепт движения в языке и культуре. – М.: Индрик, 1996. – Кн. 5. – 383 с.
9. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / [Под ред. А. Н. Чудинова]. – СПб.: Изд. В. И. Губинского, 1994. – 989 с.
10. Электронный ресурс: <http://www.swarog.ru/r/rebenok8.php>